

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(12)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2006

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вержбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc@comtv.ru, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Е. А. Дмитренко, М. Л. Тимофеева*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 28.11.2006. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 19,5. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. И. Подлеская, А. А. Кибрик.</i> Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования	7
<i>Т. Б. Радбиль.</i> Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи.....	56
<i>Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий.</i> Концептуализация частей тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах	80
<i>Д. В. Руднев.</i> История становления связочного глагола <i>являться</i> в современном русском языке	116
<i>Е. В. Огольцева.</i> Опыт гнездового описания образной производной лексики (На материале образных гнезд зоонимов)	139
<i>Н. Б. Мечковская.</i> Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета	165
<i>А. А. Гиппиус.</i> Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III	186
<i>И. Б. Иткин, Ю. К. Коган.</i> Окончание дательного падежа <i>-ови</i> в древненовгородском диалекте	204
<i>А. А. Плетнева.</i> К характеристике языковой ситуации в России XVIII—XIX вв.	213

Полемика

<i>М. Б. Попов.</i> К вопросу о написаниях типа ТРѠТ < * ТЪРТ в рукописях XIV—XV вв.: слоговые плавные или второе полногласие?	230
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

Международная научная конференция: Язык и общество в синхронии и диахронии (<i>О. И. Дмитриева, О. Ю. Крючкова</i>).....	242
--	-----

Международная научная конференция «Проблемы языковой нормы» (Седьмые Шмелевские чтения) (А. С. Киселева, Н. Н. Розанова).....	249
--	-----

Из истории науки

Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя) (Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, Л. Г. Гусева, М. Э. Рут).....	258
--	-----

Рецензии

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. Выпуск 1: А — Бязь / Под ред. О. С. Мжельской. СПб.: Наука, 2004. — 334 с. (В. Б. Крысько, Г. Я. Романова, М. И. Чернышева)	271
Н. А. Еськова. Лингвистический комментарий к «Орфоэпическому словарю русского языка». М., 2005. — 141 с. (М. А. Кронгауз)	288
Є. М. Степанов. Російське мовлення Одеси: Монографія / За ред. д-ра філол. наук, проф. Ю. О. Карпенка / Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова. Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с. (Н. Б. Мечковская)	291
В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. — 762 с. (Э. Г. Шимчук).....	298

Обзоры

О. П. Ермакова. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. — 204 с. (Н. Н. Розанова)	304
О. О. Потєбня й актуальні питання мови та культури: Зб. наук. праць / Відп. ред. В. Ю. Франчук. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. — 368 с. (Н. И. Зубов)	306
Л. Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика: Учебн. пособие для студ. филол. фак. вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2006. — 256 с. (О. В. Антонова)	308
В. Матвеевко, Л. Щеголева. Книги временные и образные Георгия Монаха. В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Интерпретированный текст Троицкой рукописи. — 633 с. Ч. 2. Текстологический комментарий. — 261 с. М.: Наука, 2006. (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси) (А. А. Пичхадзе).....	309

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. ПОДЛЕССКАЯ, А. А. КИБРИК

КОРРЕКЦИЯ В УСТНОЙ РУССКОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

Н. В. Гоголь. «Шинель»

Ошибки, допущенные при исполнении, не меняют того факта, что это конкретное исполнение есть исполнение того же самого музыкального сочинения, точно также не меняют они и партитуру. (...) Сходным образом предложения с оговорками и аналогичными ошибками, употребленные в речи, обычно воспринимаются как образцы (экземпляры) предложений в их правильной форме, а не в той форме, в какой они реально встретились в речи. Однако (...) задача лингвиста труднее задачи музыкального критика: лингвист не начинает с партитуры, его задача как раз и состоит в создании лингвистического эквивалента партитуры, исходя из исполнений, составляющих корпус.

(...) В некоторых случаях требуется радикальная редакторская работа над корпусом. Запинки, повторения, (...) изменения конструкции в середине предложения (...) все эти явления не принимаются во внимание.

Дж. Гринберг. «Антропологическая лингвистика: Вводный курс»

1. Постановка задачи

1.1. Коррекция как феномен устной спонтанной речи

Характерной особенностью спонтанной устной речи являются нарушения плавного развертывания речевого потока — так называемые *речевые сбои*. В частности, в некоторой точке дискурса говорящий может решить, что определенный фрагмент порожденного им текста не соответствует изначально-

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ (№ 04-04-00220а). Помимо авторов в работе над проектом участвуют Ю. В. Дараган (МГУ), З. В. Ефимова (РГГУ), Н. А. Коротаев (РГГУ), А. О. Литвиненко (МГУ), В. Хуршудян (РГГУ), В. Л. Цуканова (РГГУ).

ной программе (например, выбрана неверная или неточная номинация или фрагмент артикулирован преждевременно и не может в нынешнем виде или в нынешнем окружении быть адекватно встроен в последующий дискурс) или артикуляция завершена прежде, чем подготовлено дальнейшее развертывание дискурса и требуется заполнить время, пока завершится подготовка следующей «порции», и т. д. Речевые сбои могут быть вызваны внутренними проблемами планирования и развертывания дискурса или нарушениями внешних условий коммуникации (посторонними вмешательствами).

Реагируя на речевой сбой, говорящий может следовать двум основным стратегиям — хезитации и коррекции. Эти две стратегии могут использоваться как независимо, так и совместно.

Хезитация — это «проспективная» реакция на речевой сбой, она представляет собой перерыв, который говорящий использует для планирования или перепланирования следующей порции и/или (при сочетании с коррекцией) — для обдумывания возможного способа исправления предшествующей порции. Перерывы могут воплощаться как собственно паузы и как заполненные паузы — «долексические» заполнения, «мэkanie». Сигнализировать о хезитации — одна из основных, но не единственная функция пауз: пауза может сигнализировать о физиологических трудностях речепорождения, являться языковым жестом («театральная пауза») и проч. Важнейшей функцией пауз является также сегментация потока речи — маркировка границ между последовательно артикулируемыми отрезками дискурса. Паузы на границах отрезков, образующих интонационное и семантическое единство, могут быть связаны как с членением потока речи, так и с хезитацией, а паузы внутри таких отрезков имеют, как правило, хезитационную природу.

Коррекция — это «ретроспективная» реакция на речевой сбой, она возникает при обнаружении несоответствия изначальной программе и состоит в «отбраковке» некоторого, уже артикулированного, фрагмента дискурса. Мы будем говорить только о случаях, когда коррекция инициируется самим говорящим, а не стимулируется собеседником — для такого вида коррекции используют также термин *самоисправление* (соответствующий английский термин — *self-initiated self-repair*).

Чаще всего при коррекциях в точке прерывания имеется просодический «шов» (который воплощается, например, в слове интонационного контура), возможны также заполненная или незаполненная пауза. После прерывания говорящий заменяет забракованный фрагмент на другой или повторяет первоначально забракованный фрагмент и продолжает развертывать речь таким образом, чтобы забракованный фрагмент мог быть безболезненно «стерт» и материал до забракованного фрагмента и материал после него, сомкнувшись, образовали бы правильную, т. е. удовлетворяющую говорящего последовательность. Так, в примере (1)²

---

² О корпусе текстов, послужившем основой настоящей работы, и об используемой нами системе дискурсивной транскрипции пойдет речь ниже, в разделах 1.4 и 2.1.

(1) N42:13

..(0.1) /Ира куда-то уи= // \исчезла.

имеется забракованный фрагмент *уи=*, который после точки прерывания (отмеченной знаком //) заменен на откорректированный фрагмент *исчезла*. Удаление забракованного фрагмента дает текст, грамматически приемлемый и ситуационно уместный с точки зрения говорящего (*Ира куда-то исчезла*). В примере (2)

(2) N06:19

так что я не \смогла-а ..(0.4) /посмотреть его точно черты ли= // ..(0.1) ээ(0.1) \лица.

имеется забракованный фрагмент *ли=*, который после прерывания повторен в составе откорректированного коррелята. В отличие от примера (1) между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом в (2) имеется короткая пауза, первая часть которой (продолжительностью 0.1 сек) является незаполненной, а вторая (также продолжительностью 0.1 сек) имеет долексическое заполнение (*ээ*). Удаление забракованного фрагмента дает текст, грамматически приемлемый и ситуационно уместный с точки зрения говорящего (*так что я не смогла посмотреть его точно черты лица*).

Иногда факт обнаружения говорящим несоответствия изначальной программе может вербализоваться и сообщение об этом факте может становиться компонентом дискурса. В этих случаях в точке прерывания наряду с просодическими и «долексическими» сигналами могут использоваться лексические маркеры речевого сбоя — маркеры хезитации (*это, это самое, этот, так, такой, ну, вот, там, значит, вообще, в целом*) и/или маркеры коррекции (*ой, то есть, вернее, точнее*), однако употребление такого рода лексических маркеров далеко не всегда сопутствует речевым сбоям. Так, в примере (3)

(3) N09:08-10

....(1.2) 'И й-я /чувство= // ну я /знала уже, что ... (0.5) если они // ..(0.4) если их не-е /погасить, ..(0.3) то-о ..(0.2) /случится \пожар.

представлены два случая коррекции: в первой строке между забракованным фрагментом *й-я /чувство=* и его откорректированным коррелятом *я /знала* имеется лексический маркер речевого сбоя *ну*, а во второй строке забракованный фрагмент *если они* и его откорректированный коррелят *если их* отделены только незаполненной паузой продолжительностью 0.4 сек.

В настоящей работе предпринимается попытка на основе корпусных данных систематизировать основные типы коррекций в спонтанной устной русской монологической речи.

1.2. Существующие подходы к изучению коррекции

Речевые сбои и способы их преодоления изучаются в лингвистике, главным образом, с социологических и психологических позиций, а также в рамках компьютерного моделирования порождения и понимания речи (см. обзор работ 1960—1970-х годов и подробную библиографию в работе [Николаева 1970] и краткий обзор американских работ 1970—1990-х годов и соответствующую библиографию в [Секерина 1997]).

Социолингвистические исследования речевых сбоев выполнены, в основном, в традиции анализа бытового диалога. Именно в рамках этой традиции были предложены первые систематические классификации основных типов речевых сбоев (см., например, основополагающую работу [Schegloff, Jefferson, Sacks 1977] и другие работы этих авторов, [Fox, Jasper 1995] и др.). В социолингвистическом аспекте исследуются такие факторы, влияющие на частоту и характер речевых сбоев, как возраст и пол говорящих, степень знакомства говорящих между собой, степень их вовлеченности в диалог, и т. д. (см., например, [Bortfeld et al. 2001]).

Речевые сбои в психолингвистических исследованиях рассматриваются, главным образом, как ключ к пониманию процессов порождения и понимания дискурса. Данные речевых сбоев используются как аргумент в холистических моделях порождения и анализа устной речи, см., например, классические работы В. Левелта (соответствующие разделы в [Levelt 1989], а также [Levelt 1983], [Levelt, Cutler 1993] и др., работы А. Постма [Postma 2000] и др., Г. Делла [Dell 1986] и др.). Активно развиваются экспериментальные исследования, посвященные влиянию речевых сбоев на процессы порождения и понимания (см., например, [Brennan, Schrober 2001], [Fox Tree 1995] и др.). В этом же ряду стоят современные экспериментальные исследования с использованием метода записи движения глаз (см., например, [Arnold, Fagnano, Tanenhaus 2003], где экспериментально доказывается, что наличие речевого сбоя облегчает разрешение референциального конфликта в пользу нового референта). Ряд исследований по речевым сбоям имеет выход в клиническую психолингвистику, в том числе в диагностику и лечение заикания (см., например, [Kolk, Postma 1997], [Howell 2002], [Howell, Au-Yeung 2002] и др.). Многочисленные исследования посвящены психолингвистической интерпретации отдельных типов речевых сбоев — повторов, заполненных пауз, и, в особенности, оговорок (см. [Fromkin 1973, 1980], [Dell 1995] и др.).

В исследованиях, выполненных в рамках компьютерной лингвистики, анализ речевых сбоев рассматривается, главным образом, как компонент моделей синтаксического анализа предложения в процессе понимания (*syntactic parsing*), см., например, [Ferreira, Bailey 2004], а также в системах автоматического распознавания звучащей речи, см., например, [Yang, Neeman, Strayer 2003]. В последнее десятилетие получили распространение корпусные исследования речевых сбоев: здесь следует выделить, прежде всего, работу [Shriberg 1994] — наиболее полное из существующих система-

тическое корпусное описание основных типов речевых сбоев в английском языке, а также работы [Oviatt 1995], [Clark, Fox Tree 2002] и ряд других.

Большинство имеющихся работ по речевым сбоям описывают материал английского языка. К числу редких исключений относятся исследования, в которых особенности речевых сбоев в конкретном языке увязываются с грамматической структурой этого языка: исследования речевых сбоев в немецком языке в сопоставлении с английским при англо-немецком двуязычии — [Rieger 2003], в японском языке в сопоставлении с английским — [Fox, Hayashi, Jaspersen 1996], [Hayashi 1994], в индонезийском языке в сравнении с английским, финским, японским и бикольским (Филиппины) — [Wouk 2005], и ряд других.

Речевые сбои и коррекция как один из способов их преодоления в русском языке изучены очень слабо — особенно в сравнении с обширной литературой, посвященной речевым ошибкам, т. е. обнаруженным в живой речи нарушениям грамматических и ситуативных норм. Из работ относительно недавнего времени, посвященных коррекции и хезитации в русском языке, назовем исследования Б. Я. Ладыженской [1985] и Ю. В. Дараган [2000, 2003] по функционированию долексических сигналов и лексических маркеров речевых сбоев, а также психолингвистические исследования — [Атлас 1998], [Гармаш 1999]. Последняя из перечисленных работ — диссертация Н. Г. Гармаш [1999] — является на сегодняшний день наиболее полным описанием речевых сбоев, и прежде всего, механизмов хезитации на русском материале. Некоторые важные результаты этой работы, особенно касающиеся интерпретации повторов как особого типа речевого сбоя, мы будем использовать в данной статье.

Практически все перечисленные работы, будь то социолингвистические или психолингвистические исследования, или исследования по автоматическому анализу текста, не выходят при анализе речевых сбоев за рамки предложения, а чаще — клаузы или даже слова, что, в принципе, объяснимо: все исследователи единодушно отмечают, что коррекция минимальных речевых отрезков значительно превосходит по частоте коррекцию более продолжительных отрезков. В большинстве работ возможность коррекции отрезков более крупных, чем предложение, вообще не обсуждается, реже — как, например, в [Shriberg 1994] — это явление эксплицитно исключается из сферы рассмотрения. Одной из немногих работ, в которых последовательно разграничиваются внутрифразовые коррекции, отражающие трудности в формировании и реализации отдельного высказывания, и текстовые коррекции, связанные с программированием более крупных речевых фрагментов, является упомянутая выше диссертация Н. Г. Гармаш [1999]. Однако и в этой работе систематизация текстовых коррекций является только как возможная исследовательская программа на будущее.

В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел: мы постараемся показать, что формат коррекции определяется прежде всего тем, насколько она затрагивает иерархическую структуру дискурса.

1.3. Задача работы — качественный и количественный анализ коррекций в русской устной спонтанной монологической речи.

Структура работы

В работе предлагается набор типологически релевантных критериев, позволяющих систематизировать основные типы коррекций, и дается количественная оценка частотности основных типов коррекций в устных рассказах на русском языке по данным корпусного исследования.

В качестве основных предлагаются следующие четыре классифицирующих признака:

- Структурный диапазон коррекции (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса).
- Линейный диапазон коррекции (линейная дистанция между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом).
- Тип операции (степень формального и семантического сходства между забракованным фрагментом и его откорректированным коррелятом).
- Объем забракованного фрагмента (сегментная протяженность и цельнооформленность забракованного фрагмента).

Эти четыре критерия последовательно обсуждаются в разделах 2, 3, 4 и 5. В них же обсуждается частотность коррекций соответствующих типов. Мы постараемся показать, что структурный диапазон коррекции (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса) является ведущим критерием, а три других критерия обнаруживают с ним устойчивую качественную и количественную корреляцию. В разделе 6 приводятся сводные количественные данные о выделяемых типах коррекции и формулируются основные выводы. Раздел 7 содержательно и композиционно представляет собой постскрипtum к работе: здесь рассматриваются возможные дополнения к предложенной классификации и особые типы коррекции, не вошедшие в основной массив.

1.4. Материал работы — корпус устных рассказов.

Общая оценка частотности коррекций

Материалом исследования послужил корпус устных рассказов детей среднего и старшего школьного возраста о своих сновидениях, описанный в более ранних наших работах, см., например, [Кибрик, Подлесская 2003]. Все примеры, приводимые в работе, взяты из этого корпуса с сохранением разработанной нами транскрипции. Корпус включает 129 рассказов (в аудио-записи и в транскрипции) общим объемом около 17500 словоупотреблений. Всего в корпусе обнаружено 405 случаев коррекции. Таким образом, засвидетельствованная частота коррекций — 2,3 коррекции на 100 слов.

Этот результат хорошо согласуется с имеющимися в литературе данными о частоте коррекций в английском языке. Так, по корпусным данным

Е. Shriberg [1994] в диалоговых текстах засвидетельствованная частота речевых сбоев — от 5,9 до 6,3 на 100 слов. Однако ею при подсчетах учитывались не только коррекции, но и заполненные паузы хезитации, составляющие по ее данным от 30 до 60 % от общего числа речевых сбоев. Таким образом, доля коррекций в ее корпусе может быть оценена как 2—4 на 100 слов. Близкие значения для английского бытового диалога приводятся в работе [Bortfeld et al. 2001]: средняя частота речевых сбоев 5,97 на 100 слов складывается из средней частоты заполненных пауз — 2,56 и средней частоты коррекций — 3,41 на 100 слов. Частота речевых сбоев от 6 до 10 на 100 слов с учетом заполненных пауз приводится также в [Fox Tree 1995]. В работе [Rieger 2003] отмечена несколько более высокая частота речевых сбоев: в английских диалогах — 9,2 на 100 слов, в немецких — 11,33 на 100 слов (включая заполненные паузы).

В ряде исследований приводятся данные, показывающие зависимость доли речевых сбоев от канала коммуникации, формы и жанра дискурса. Так, согласно [Oviatt 1995], частота речевых сбоев в монологических текстах существенно ниже, чем в диалогических — 3,6 на 100 слов. Если учесть, что данный результат — частота речевых сбоев с учетом заполненных пауз, которые, как было сказано выше, могут составлять от 30 до 60 % от общего числа речевых сбоев, то приблизительная частота собственно коррекций в монологических текстах, по [Oviatt 1995], может быть оценена как 1,1—2,2 на 100 слов, что очень близко к результату, полученному нами.

Из обнаруженных нами 405 случаев коррекции системно классифицируются и служат основой количественных оценок — 375. Не вошедшие в основной массив редкие типы коррекции (30 случаев) обсуждаются особо в разделе 7.

2. Четыре классифицирующих признака: признак «структурный диапазон коррекции» (взаимное расположение забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята в иерархической структуре дискурса)

2.1. Исходные представления о структуре дискурса

Мы исходим из принятого в дискурсивном анализе положения, что структура дискурса может быть представлена в виде иерархически организованной сети дискурсивных единиц, см. [Van Dijk 1981], [Halliday, Hasan 1976], [Mann, Thompson 1988], [Martin 1992], [Sanders, Spooren, Noordman 1993], [Bateman, Rondhuis 1997]. В качестве минимальных узлов сети мы рассматриваем элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), в общем случае представляющие собой элементарные предикации, обладающие интонационной целостностью. При выделении ЭДЕ мы опираемся прежде все-

го на работы У. Чейфа (ср. понятие «интонационная единица» как оно определено в [Chafe 1994, 1998]). В российской лингвистике наиболее близкий подход к сегментации дискурса представлен в классических работах Л. В. Щербы, ср. определение синтагмы и фразы в [Щерба 1955: 87—88]: «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю синтагмой»... «Синтагмы... могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями... и в конце концов образуют фразу — законченное целое».

В разработанном нами формате транскрипции (см. о ней подробнее в [Кибрик, Подлесская 2003]) каждая ЭДЕ записывается в отдельной строке. Транскрипция опирается на стандартную русскую орфографию. Обрыв слова отмечается одинарным знаком равенства (=). Пунктуационные знаки используются для обозначения иллокутивной функции и заключительности/незаклучительности ЭДЕ, в том числе: сообщение (.), вопрос (?), директив (i), «маркирование иллокуции отложено» (.). Транскрипт отражает длину всех пауз (в абсолютных единицах), характер заполнения пауз и центральные компоненты дискурсивной просодии — акценты и направленные движения тона в акцентах (иконические значки непосредственно перед словом).

Вслед за У. Чейфом и другими авторами его школы (см., например, [Du Bois et al. 1993]) мы разграничиваем цельные и фрагментарные ЭДЕ — те, которые говорящий обрывает, не доведя до конца. Мы выделяем три основных причины, приводящих к возникновению фрагментарных ЭДЕ.

Первая причина. ЭДЕ может быть незавершенной с просодической точки зрения и с точки зрения морфо-синтаксических требований к полноте предикации, но расцениваться говорящим как уместная и информационно достаточная и потому — не подлежать коррекции (в риторике такая фигура именуется «апозиопезис»). В транскрипте фрагментарные ЭДЕ этого класса завершаются знаком тильда (~). Такова строка *где мы их можем* ~ в следующем примере:

(4) N41:3-11

....(3.7) *Ии* ....(1.0) *мы там увидели /кролика,*

и \погн\длись за ним с \Димкой.

..(0.4) *Хотели \пой\мать.*

....(1.3) *И в \клетку посадить.*

У нас \до\ма.

...(0.6) *Там в доме была /клеточка,*

....(1.2) *где мы их можем ~*

...(0.8) *И вот\и ..(0.3) мы ..(0.3) /-забе\жали в /лес,*

Вторая причина. Явление, которое мы условно называем «сплитом» — морфо-синтаксически целостная предикация может разрываться говоря-

щим для вынужденного отхода от линии изложения с последующим восстановлением целостности. В транскрипте первая часть разорванной предикации завершается знаком длинное тире (—), а вторая часть начинается с этого знака. Так, в примере:

(5) Z18:42-47

....(1.1) /Мы /оказались ....(1.0) на какой-то \пла-ане-ете.

...(0.9) Она была /очень \маленькая.

Так что —

...(0.6) ээ(0.3) (Как \шарик.)

— ..(0.1) было /видно,

ээ(0.2) с /-другой стороны что _

предикация *Так что было видно*, разорвана и внутрь вставлена другая ЭДЕ (*Как шарик.*), которая представляет собой уточнение к строке, предшествовавшей разорванной.

Третья причина. Собственно коррекция: фрагментарная ЭДЕ может возникнуть, если говорящий отказывается продолжить текущую ЭДЕ в связи с необходимостью заменить, удалить или повторить уже проартикулированный речевой отрезок и начинает строить новую ЭДЕ. В этих случаях оборванная строка в транскрипте завершается двойным знаком равенства (==). Так, в примере (6) целевой ЭДЕ (3-я строка) предшествуют две фрагментарных — они представляют собой две неудавшихся, т. е. не устроивших говорящего, попытки выразить нужный смысл:

(6) Z36:10-12

....(1.1) И /мы &С РЕЗКИМ ВЫДОХОМ& значит ....(1.3) \стали ==

...(0.9) У нас ==

..(0.1) Мы ..(0.1) стали жить ..(0.3) на третьей /Шацкой,

Такого рода фрагментарные ЭДЕ, представляющие собой пробные шаги, предшествующие произнесению «доброкачественного» материала, часто называют фальстартом, ср. термин *false start* в [Du Bois et al. 1992: 18]).

Таким образом, не всякая фрагментарная ЭДЕ свидетельствует о коррекции. С другой стороны, не всякая коррекция приводит к возникновению фрагментарной ЭДЕ. В частности, говорящий может осуществлять коррекцию короткого фрагмента текущей целевой ЭДЕ, не обрывая ее, как в примерах (1)—(3), приведенных выше, или в следующем примере (точка прерывания в таких случаях отмечается в транскрипции знаком //):

(7) Z22:06

...(0.6) там ещѐ= на /пути /-встречался= // ..(0.2) встретился —ка-
амень _

В следующем разделе мы обсудим, каким образом признак «структурный диапазон коррекции» позволяет упорядочить коррекции в зависимости от того, являются ли ЭДЕ, содержащие забракованный фрагмент, и

ЭДЕ, содержащие его откорректированный коррелят, цельными или фрагментарными, и в зависимости от того, как эти ЭДЕ взаимно расположены в иерархической структуре дискурса.

*2.2. Микрокоррекции vs. макрокоррекции.
Микрокоррекции «срединные» vs. «начальные»*

Два наиболее крупных класса, выделяемых по признаку «структурный диапазон коррекции», мы условно именуем «микрокоррекции» и «макрокоррекции». Микрокоррекции отражают проблемы говорящего, связанные с построением отдельной ЭДЕ, макрокоррекции, как будет показано в следующем разделе, отражают трудности, связанные с построением неэлементарного фрагмента структуры дискурса (ср. противопоставление внутрифразовых и текстовых речевых сбоев в [Гармаш 1999]).

При микрокоррекциях говорящий обрабатывает, т. е. планирует и перепланирует только один, текущий, узел дискурсивной структуры. При этом говорящий или исправляет обнаруженное им несоответствие изначальной программе непосредственно в текущей ЭДЕ, как в примерах (1)—(3), (7) выше, или, отменив начало текущей ЭДЕ как несоответствующее программе, немедленно начинает строить эту единицу заново, как в примере (6) выше или в примере (8):

(8) N52:18-19
Но ска= ==
Но \сделай что-нибудь j»

В первом случае микрокоррекция «скрыта» внутри цельной ЭДЕ и не отражается в дискурсивной структуре, во втором случае забракованный фрагмент выделяется в отдельную фрагментарную ЭДЕ (фальстарт).

Микрокоррекцию внутри цельной ЭДЕ говорящий использует в тех случаях, когда между началом ЭДЕ и началом забракованного фрагмента имеется материал, не подлежащий коррекции, как в примере (9)

(9) N02:02
Ну /ля значит с \Чингизой пое= // хотела уехать в /Отдых,

где забракованный фрагмент (пое=) отделен от начала ЭДЕ (от начала строки) материалом, не подлежащим коррекции (Ну /ля значит с \Чингизой). Фактически, в (9), так же, как и в примерах (1)—(3) и (7), говорящий ценой частичного исправления «спасает» ЭДЕ, к артикуляции которой уже приступил и начальная часть которой его устраивает.

Если же коррекции подлежит фрагмент, который находится в абсолютном начале узла, планированием и оформлением которого занят говорящий, то говорящий чаще прерывает артикуляцию, полностью отказывается от неудавшейся попытки и приступает к построению ЭДЕ заново, как в (6) и (8). В этом случае между фрагментарной ЭДЕ (фальстартом) и непосред-